

—

На реке Циньхуай тысячи лодок выстроились на тысячи ли и шли непрерывным потоком.

Приближались весенние экзамены, и со всей страны съезжались студенты. Также, в первый месяц года был день рождения императрицы-матери, и в город прибыло множество чиновников.

Река Циньхуай с ее бесчисленными прогулочными лодками и множеством людей была идеальным местом для разговоров.

Лодка Сяо Фу, затерявшись в толпе, не привлекала внимания.

Се Лаосань вспомнил, что императрица-мать просила его передать письмо. Он уже собирался позвать Сяо Фу, но увидел, что они вдвоем стоят бок о бок на корме. Линь Цзыкуй наблюдал за куртизанкой, играющей на пипе на соседней лодке, и вдруг спросил: «Сяо-лан, мой цинь на лодке?»

Он очень легко перешел на новое обращение. Он беспокоился, что если не привыкнет сейчас, то на берегу может проговориться, поэтому решил начать практиковаться.

Сердце Сяо Фу растаяло, став мягким, как вода, которую мог потревожить только Линь Цзыкуй. Он нашел невероятно милой причину, по которой Цзыкуй решил называть его «господин».

«Цинь на лодке. Ты хочешь сыграть вместе с той куртизанкой?»

Линь Цзыкуй покачал головой: «Я просто подумал, что тебе нравится музыка, и хотел сыграть для тебя».

Его незакрытый левый глаз смотрел на Сяо Фу, его черные зрачки были кристально чистыми: «Я тоже умею играть, но не так хорошо, как те музыканты. Если тебе не понравится, я сыграю только небольшой отрывок».

«Ничего страшного, мне понравится все, что ты сыграешь». Сяо Фу поднял голову и крикнул: «Цзинь Цзунь, принеси цинь».

«Цинь». Цзинь Цзунь быстро принес инструмент. Обычно он не улыбался, и его лицо было серьезным. Он был маленького роста, и Мо Лю несколько раз пытался заговорить с этим таким же невысоким, как и он, мальчиком, но безуспешно.

Господин настраивал цинь на палубе, а Мо Лю сидел внутри и ел фрукты.

Интерьер лодки был изысканным и роскошным. Господин не видел этого, но Мо Лю, взглянув, понял, что госпожа Сяо Чжаолин, возможно, не из чиновничьей семьи, но ее состояние определенно не уступает семье господина Сяо.

Он взял в руки вазу с цветами, ее гладкая, блестящая поверхность была спокойной, а изумрудный цвет радовал глаз. На дне четко виднелась выгравированная надпись «Изготовлено по приказу Сюань Чжэна».

«Сюань Чжэн? Изготовлено по приказу... Значит, это подарок императора Сюань Чжэна?!» —

Мо Лю широко раскрыл глаза, не веря своим глазам.

Что это за семья, которая имеет подарки от бывшего императора?

Он хотел посмотреть поближе, но в комнату вошел тот самый маленький мальчик с двумя кистенями за спиной, который был рядом с Сяо Чжаолин.

Он тут же положил предмет на место, боясь проявить неуважение и опозорить своего господина.

«Будешь есть?» — Мо Лю почесал голову и спросил, — «Эта груша очень сладкая».

«Нет». Цзинь Цзунь тихо сел, его взгляд медленно скользил по окну, осматривая проплывающие мимо лодки. Его глаза были как у настороженного леопарда.

В Цзиньлине было много опасностей, и он должен был защитить маркиза и господина Линя.

На корме Линь Цзыкуй настроил цинь и повернул голову к Сяо Фу: «Сяо-лан, что тебе нравится?»

«Мне все нравится». То, что нравилось Сяо Фу, было непристойно, и ему нельзя было об этом знать.

Линь Цзыкуй подумал: «Подойдет ли «Мелодия сливы»?»

«Отлично».

Линь Цзыкуй кивнул, положил руки на струны и нежно, но уверенно провел по ним пальцами, извлекая торжественную и глубокую мелодию.

По обеим сторонам реки цвела красная слива, а в воде отражались голые ветви ивы. Лепестки сливы плыли по течению.

Растения увядали, но только зимняя слива, стойкая и гордая, встречала холод. Звуки циня были спокойными и гармоничными, они разносились по ветру. Взгляд Сяо Фу медленно скользил с его пальцев на его опущенное, спокойное лицо.

Слива — самый чистый цветок, цинь — самый чистый звук, а человек — самое чистое существо.

Мелодия унеслась вдаль. На недалеко стоящей лодке старый глава кабинета министров Сюй сидел в тайной комнате. Там горели благовония и стояли цветы, но атмосфера была напряженной.

Чистая мелодия, доносящаяся до него, привлекла его внимание.

«Мелодия сливы». Тот, кто играет, должно быть, так же благороден, как и слива».

Это сильно разозлило дюжего мужчину напротив него. Он сильно ударил по столу.

«Сюй Хуэй! Мой сын пропал почти месяц назад, и за весь этот месяц ты так и не смог его найти! И теперь ты привел меня в это место, где все притворяются утонченными! Ты! Какая мне от тебя польза!»

«Князь Чжао», — Сюй Хуэй повернулся к нему и сказал, — «Верьте, что с маленьким князем

все в порядке. Скорее всего, он у Сяо Фу, и Сяо Фу не причинит ему вреда. А мой сын все еще страдает в тюрьме. Когда-то маленький князь импульсивно принес этот порошок гу в столицу, и я верил, что у вас, Ваше Высочество, уже есть план, чтобы переложить вину на маркиза Динбэя. А поскольку принцы еще молоды, вы, Ваше Высочество, в самом расцвете сил, и в суде еще много старых чиновников, поддерживающих вас. Вступление на престол — это лишь вопрос времени».

В результате, триста смертников погибли, маленький князь был схвачен, а Сяо Фу где-то развлекается.

«Господин Сюй, Его Величество уже сомневается в тебе. Твой сын в тюрьме, а господин Ло покончил с собой, прыгнув в реку, и это не заставило Его Величество освободить его. Сердце императора непредсказуемо, и ты не можешь не знать, что задумал мой девятый брат?» Князь Чжао вытащил банку с жуками, подвинул ее к нему и холодно сказал: «Давай, не будем медлить».

«Это... matka-насекомое?» — выражение лица старого министра Сюя изменилось.

«Да. Я получил этого чудесного жука от одного мудреца. Он сказал, что если отнести его к императору, а потом матку-жука...» Князь Чжао поманил старого министра Сюя и прошептал ему на ухо: «Завтра вечером во дворце будет банкет. Император упадет в обморок на глазах у всех, но убийцы не будет. Это будет незаметно и необъяснимо».

Император Вэньтай был молод. Он не назначил ни императрицу, ни наследника. Если он не оставит завещания, князь Чжао, обладая большим авторитетом при дворе, сможет окружить Цзиньлин войсками, войти во дворец, чтобы выразить соболезнования, и сменить династию.

На корабле Линь Цзыкуй переодевался в комнате, а Сяо Фу стоял на носу, разворачивая письмо, которое ему передал Се Лаосань.

«Императрица-мать пишет, что если у меня будет время, я могу прийти на банкет во дворец, потому что я внес большой вклад в избавление императора от яда». Сяо Фу поджег письмо. Се Лаосань сказал: «Она хочет, чтобы ты и император помирились».

«М-м». Сяо Фу улыбался. Он только что выпил несколько чашек вина, и его лицо слегка покраснело.

Се Лаосань покачал головой: «Твоя старшая сестра, императрица-мать, не плохой человек. Просто она не может контролировать своего сына. Что поделать, Юйвэнь Дуо — император. Если он умрет, покой четырех морей, боюсь, будет нарушен».

Сяо Фу спокойно сказал: «Даже если он не умрет, все равно будет хаос. Войска князя Чжао уже подходят к городу, а мой дед тоже с войсками уже в пути. Самое раннее, они придут к Цзиньлину завтра вечером».

Войска князя Чжао не могли сравниться с храбрыми и опытными войсками князя Юньнана.

В комнате Мо Лю, стоя за ширмой, увидел, что господин уже переоделся, но не решался заговорить.

Господин вышел в меховом плаще. Мо Лю подошел к нему и спросил: «Господин, госпожа Сяо говорила вам о своем статусе?»

«Что такое? Она из Юньнана, у неё много влиятельных родственников в Цзиньлине, и у её семьи есть чиновники в Юньнани».

Линь Цзыкуй не хотел, чтобы кто-то подумал, что он стремится к выгоде, поэтому не задавал много вопросов. Ему было достаточно знать, что семья Сяо Чжаолин была уважаемой, а ее родители живы. Линь Цзыкуй думал о том, насколько высокопоставленной она была, но не углублялся в это.

Ему нравилась Сяо Чжаолин как человек, а не ее происхождение.

«Ох...» — Мо Лю почесал голову и подумал, что та ваза, подаренная бывшим императором, лежала на полу, и никто не боялся, что ее пнут? Он не мог не пробормотать: «Семья госпожи Сяо — это просто чиновники? Это не может быть так просто...»

Линь Цзыкуй с улыбкой посмотрел на него: «Мо Лю, что ты там бормочешь?»

«...Ничего. Господин, наденьте побольше одежды, на улице холодно. Вы и госпожа Сяо идите погуляйте, а я буду ждать вас на лодке». Мо Лю боялся холода, и это был его первый раз, когда он гулял по реке Циньхуай в праздник фонарей.

«Хорошо». Линь Цзыкуй опустил голову и надел вуаль. Белый тюль скрывал его лицо, оставляя видимым лишь небольшой контур.

Когда он вышел, Сяо Фу, увидев его наряд, был очень удивлен: «Цзыкуй, почему ты закрыл лицо?»

«Один глаз у меня открыт, а другой забинтован», — он посмотрел в зеркало и решил, что это некрасиво. «На празднике фонарей много детей, и я боюсь их испугать».

«Почему ты так думаешь?» — Сяо Фу поднял тюль, увидел его ясное лицо и не смог сдержать улыбку. Он закрепил вуаль за его ухом и тихо сказал: «Здесь много некрасивых детей, и я боюсь, что они, бегая, испугают тебя».

«Чжаолин», — Линь Цзыкуй беспомощно улыбнулся. «Все дети милые, нет некрасивых. Я обидел кое-кого в Цзиньлине, поэтому лучше скрыть лицо».

Сяо Фу: «Сюй Чжоцзюнь уже в тюрьме, чего тебе бояться?»

Линь Цзыкуй был удивлен: «Сюй Чжоцзюнь в тюрьме? Когда это случилось?»

Сяо Фу: «Да, я только что слышал. Он нанес вред государственным чиновникам, игнорировал закон и сидит в тюрьме уже много дней».

Линь Цзыкуй опустил глаза, задумавшись, и вздохнул: «Холод не приходит за один день. Фракцию Сюя нельзя уничтожить за один день. Сюй Чжоцзюнь в тюрьме, но рано или поздно он выйдет...»

Сяо Фу, услышав это, сказал: «Не волнуйся, он не выйдет».

Сяо Фу уже отправил людей в тюрьму. Завтра ему вырвут глаза, отрежут язык и уши.

Только тогда старый министр Сюй, в порыве гнева, потеряет свою рассудительность и планы.

«Будем надеяться...» Лодка причалила. Линь Цзыкуй опустил вуаль. «У семьи Сюя много

сторонников, и я не хочу привлекать внимание. Сяо-лан, давай сойдем».

Линь Цзыкуй, закрыв лицо, стал незаметным, но Сяо Фу был слишком заметен.

Мужчины и женщины, старые и молодые, все поворачивали головы, чтобы посмотреть на него, особенно незамужние девушки, которые шептались: «Этот молодой человек так красив, из какой он семьи? Я его никогда не видела».

Линь Цзыкуй смутно слышал их и подумал: «Они не видели Чжаолин в женской одежде. Вот это действительно красиво».

«Неудивительно, что Чжаолин любит носить мужскую одежду. Если бы она носила женскую, улицы, наверное, были бы забиты толпой».

За ними следовал только Цзинь Цзунь. Линь Цзыкуй, зная, что он здесь, решил купить ему леденец в виде фигурки. Это была милая мышка. Он протянул ее и сказал: «Этот год — год крысы. Если съешь этот леденец, все твои желания исполнятся».

Цзинь Цзунь, получив леденец, выглядел ошарашенным.

Лицо Сяо Фу потемнело, и он злобно посмотрел на него.

Цзинь Цзунь взглянул на маркиза, взял леденец и ушел.

Сяо Фу взглянул на его спину, затем повернулся, слегка наклонился и тихо сказал сквозь вуаль Линь Цзыкуя: «Ты ему купил, а мне нет?»

Линь Цзыкуй сказал: «Куплю, сейчас делают, подожди немного».

Сяо Фу: «О».

Свет фонарей освещал все вокруг, а в горшке топился сахар.

Линь Цзыкуй мог пользоваться только одним глазом, и видел не очень хорошо. Он слегка приподнял вуаль, чтобы посмотреть на работу старика, который делал леденцы. Он делал два одновременно. Линь Цзыкуй купил один в форме цветочной корзины для Сяо Фу, а себе — маленькую круглую лепешку.

Сяо Фу взял корзинку и лизнул ее. Она была липкой и безвкусной.

Он посмотрел на лепешку Линь Цзыкуя: «Почему у тебя без узора?»

«Мне нравится есть простой гладкий кусочек». Линь Цзыкуй привык экономить. Иногда он ел такие сладости, но очень редко. Он купил себе и Мо Лю две самые дешевые лепешки без узора, которые стоили всего одну медную монету.

Линь Цзыкуй плохо видел дорогу, держался правой рукой за рукав Сяо Фу, а левой — за лепешку, медленно ее облизывая. Он ел медленно, и сладость ощущалась во рту очень долго.

Сяо Фу, не чувствуя никакого вкуса, быстро проглотил свой леденец, который хрустел у него во рту.

Вокруг горели фонари, и на улице было много народу.

Линь Цзыкуй время от времени останавливался. Он увидел, что леденец Сяо Фу уже исчез, хотя он специально купил ему самый большой.

«Почему ты так быстро съела? Хочешь еще? Я куплю тебе новый».

Сяо Фу посмотрел на его лепешку, которая была съедена только наполовину, и подумал: «Цзыкуй, твоя лепешка вкуснее моей?»

«Нет. Они одинаковые. Просто моя немного толще. Здесь есть и другие сладости», — Линь Цзыкуй пытался рассмотреть, что еще есть, но не мог. Он вспомнил: «Хочешь фрукты? Я куплю тебе фруктов».

Сяо Фу покачал головой: «На самом деле, я не люблю есть...» Хотя он часто так говорил, он никогда не говорил Линь Цзыкую, что у него нет вкуса.

Линь Цзыкуй знал, что он не любит есть, но думал, что это из-за того, что он привередлив.

Разве кто-то может не любить еду? Всегда есть что-то, что нравится.

Например, Сяо Фу, Линь Цзыкуй знал, что он любит вино.

Он уже выпил несколько чашек.

Сяо Фу спросил: «Фрукты вкусные?»

«Да, вкусные». Линь Цзыкуй ответил. В Цзиньлине фрукты были дорогими, и обычно он не мог себе их позволить, но сейчас он сказал: «Я куплю тебе, чтобы ты попробовала».

Сяо Фу: «Мне кажется, что твоя лепешка вкуснее».

Линь Цзыкуй потянул его за собой: «Тогда пойдем, я куплю тебе новую лепешку?»

«Давай не будем тратить эту одну медную монету». Вуаль колыхалась на ветру, и это было неприятно. Она время от времени открывала часть лица Линь Цзыкуя, которое в свете фонарей становилось румяным. Сяо Фу неотрывно смотрел на него.

Линь Цзыкуй сквозь вуаль встретился с ним взглядом и покачал головой: «Это не трата. У меня много медных монет. Я могу купить тебе все, что ты захочешь».

«Я не хочу». Сяо Фу поднял руку и медленно поднял белую вуаль.

«Ты... все-таки хочешь мой?» — Линь Цзыкуй поднял руку. Лепешка была блестящей. Ему было неловко, и он посмотрел на Сяо Фу: «Но я его уже ел». На нем была его слюна.

Линь Цзыкуй убрал руку: «Я куплю тебе новый».

«Ничего». Сяо Фу схватил его за запястье одной рукой, наклонился и лизнул маленький кусочек лепешки.

Как всегда, без вкуса, но, казалось, что что-то в этом есть.

Линь Цзыкуй: «Я же говорил, они одинаковые...»

«Почти, но эта вкуснее». Сяо Фу слегка выпрямился, уставившись на его губы, которые были

такого же цвета, как и лепешка — влажные, прозрачные и очень аппетитные.

Вокруг снова толпа. Сяо Фу, приближаясь, медленно опустил вуаль.

Белый тюль отгородил их от всего мира. Весь шум стих и отступил.

В этот момент Линь Цыкуй, казалось, понял, что он собирается сделать. Его сердце забилося: «Госпожа Чжаолин...»

Тихий и нежный голос Сяо Фу сказал: «Зови меня Сяо-лан».

Линь Цыкуй поднял глаза, увидел его приближающееся лицо и не мог отвести взгляд: «Сяо-лан...»

Сяо Фу нежно ответил «хм», наклонил голову и слегка коснулся его губ. Линь Цыкуй не мог не закрыть глаза, его щеки горели румянцем.

«На улице», — дрожащим голосом прошептал он.

Сяо Фу: «Я знаю, на улице». Сяо Фу лизнул его губы, как будто почувствовал какой-то вкус, а затем еще раз, медленно и отчетливо. Его теплый язык был слишком мягким. Линь Цыкуй не знал, что делать. Он сжал губы, открыл глаза, а потом снова быстро закрыл их. Он весь пылал. Ветер поднял белую вуаль, и Линь Цыкуй поспешно опустил её, закрывшись.

Сяо Фу продолжал. Линь Цыкуй сжал губы и, боясь, что их кто-то увидит, пытался увернуться. Сяо Фу продолжал, без слов, одной рукой схватив его за плечо: «Цыкуй, у тебя на губах сахар, верно?»

«Угу... сахар. Такой же, как... корзинка, которую ты ел... поэтому... я отдам тебе лепешку».

Сяо Фу с близкого расстояния смотрел на его дрожащие ресницы и сияющие глаза: «Тогда, кажется, я знаю, какой вкус у сахара».

—

<http://bllate.org/book/14420/1274679>